

12 НОЯ. 38

Газета №

Домна Пантелеевна

Екатерина Павловна Корчагина-Александровская в своих воспоминаниях часто говорит о В. Н. Давыдове. Умение Давыдова играть так, что целый оркестр звучал в его интонациях, его мягкость, убедительность его таланта, заставлявшая зрителя забыть о том, что это только театр, его способность так передать ощущение действительной жизни, как будто снята четвертая, воображаемая стена, — вот что всегда восхищало Екатерину Павловну в Давыдове. Думается, что игра Давыдова была ее подлинной актерской школой, ее «университетом».

За 20 лет советского театра Екатерина Павловна переиграла более чем в 60 постановках. Простота, правда жизни, живое чувство — вот чем всегда отличалась ее работа. Но в последней своей роли (Домна Пантелеевна в пьесе А. Н. Островского «Таланты и поклонники») она достигла такого мастерства, что ее исполнение хочется назвать классическим.

Домна Пантелеевна, — если взглянуть на этот персонаж упрощенно, если играть только «отношение к персонажу», — глупая старуха, мешанка, жадная до «бенефисов» мать юной актрисы, мечтающая пристроить хоть куда-нибудь свою дочь, сводня, соблазвившаяся «павлинами» и «лебедями» великатовских поместий. Можно сделать этот образ отвратительным и ужасным. Можно испепелить эту старуху... Но была бы это Домна Пантелеевна Островского?.. Было бы в этом толковании подлинное понимание того, о чем думал Островский? Нет. Пьеса лишилась бы самого главного — той среды, в которой приходится действовать актрисе Негинной.

Как проводит Корчагина первый акт? Она в хлопотах по случаю «бенефиста», она покрикивает и суетится, вся напряже-

Народная артистка СССР Е. П. Корчагина-Александровская в роли Домны Пантелеевны

на, взбудоражена, как хозяйка, мечтающая расплатиться с долгами. Что ни разговор, невольно кажется: «а она думает о деньгах». Она умна, она понимает чувствительность Нарокова, но ей досадно, что он уж очень «чувствительный», «чуждак». Жизнь есть жизнь. «Нежностью» горю не поможешь. Надо воевать. Надо биться. И Корчагина — Домна Пантелеевна бьется с самоотверженностью матери. Она изворачивается. Что делать, что делать? Нельзя же сориться перед самым «бене-

фисом» с «нужными людьми». А если они «волю» берут, то их «ограничить следует», но «честно, благородно, учтиво». У нее боевой, практический характер. Она бешено хитрит, вьется вьюном. Она — дипломат в юбке, домашний Талейран. Она храбро хочет справиться с миром князей Дулебовых, Бакиных и «ампренеров» Мигаевых. Ее попытки трогательны и наивны. Вы на ее стороне, вы симпатизируете ей. Да и невозможно иначе. Где она живет? Что ее окружает? «Коммерческий» театр, театр Гаврюшки, который честность давно считает предрассудком.

«Первые ряды», «солидные люди» — Бакины и князья Дулебовы, от них все зависит. Здесь еще живет «старина». Здесь еще присутствуют феодальные черты крепостного театра. Актриса еще наложница, «птенчик». Ее, правда, не порют. К ней ездят с визитами... И покупают ее! Или нагло, откровенно, как Смелскую, или «деликатно», по-великатовски, но все-таки покупают.

«Разве здесь понимают искусство? Разве здесь искусство нужно? Разве здесь... о, проклятие!» — кричит Нароков, светлый, трогательный человек.

Что же делать, как жить в этих жутких, ужасных обстоятельствах?

Но ведь это не только страница русского, полуфеодального театра. Это — страница жизни общества. Это — темные восьмидесятые, девяностые годы, когда «либеральные» люди ушли в «малые дела», отделились от общественной жизни, пытались реабилитировать действительность, мирились с парским правительством, когда только Лев Толстой парадоксально, но гневно требовал подлинного, народного ис-

кусства. Это — канун тех дней, когда появились Чехов и Горький.

Как же права Корчагина, что она не играла «своєю», не взяла все на себя...

Она — несчастная старуха, жертва, скованная всеми цепями той жизни, той мрачной эпохи, которую Нароков назвал «проклятием».

Когда «почтительный», «предупредительный» Великатов предпринимает мефистофельскую игру, когда на голову старухи обрушиваются и жалобы на холодную жизнь, и «домик» «в сорок комнат», «индейские петухи» и «павлины», когда подарок — «платочек» падает к ней на плечи, она подавлена, разбита. Вдруг неожиданно она начинает смеяться... Но страшен этот смех, если в него вслушаться. Это не беззаботный человеческий смех, в нем вы не услышите ни ясности, ни счастья. В нем чувствуется что-то тупое, порой бессмысленное. Это — смех опьянения соблазнами, она опоена и жалка...

На мгновение она будто опомнилась, увидела богатую палю, протрезвела.

— Батюшки, да за что же это?

Но, глядя в глаза Великатова, успокоилась. Поверила, что это просто так, от доброты... «Откуда этикие люди берутся?» В ней говорят ее чистота, ее простосердечие.

Тем печальнее, тем драматичнее получается финальная сцена третьего акта, после чтения писем...

«В самый-то вот раз... только что мы про свою нужду-то раздумывали... дьявол, а уж этой ласки-то в нем, что этой всякой добродетели...»

С каким содроганием, в какой тишине была произнесена эта фраза!.. Вдруг проснулась уная душа старухи, она разгадала «эту всякую добродетель» и «ласку». С каким подавленным, приглушенным, зажатым озлоблением она произносит эти

слова! «Дьявол». Покорил, и выхода нет, и деться некуда... С Петей уйти? Саша все равно не бросит сцену... Упустить случай? Отогнать славу? Домна Пантелеевна понимает, что этого Саша не может... Обе они не героини. Значит, остается «проклятие»?

Ольга Осиповна Садовская по свидетельству Ю. М. Юрьева («Театр» № 9, 1937 г.) играла мешанку, которой «не понять, что она унижает, марает, толкает свою дочь на низкое». Корчагина сыграла совсем иную Домну Пантелеевну.

Корчагина не «толкает». Корчагина все предоставляет своей дочери: как она решит... «Твое дело». Ни оттенка покаяния, ни тени нажима. Одна искренность, одна растерянность.

Ночной, внезапный уход дочки на свидание к Пете старуха воспринимает, как прощание Саши с юностью, с девческими мечтами. Негина говорит: «Может быть до утра... Но чтобы ни словом, ни взглядом...»

В эту минуту Корчагина стоит почти спиной к зрителю, мы слышим только ее измученный голос, мы слышим такие ноты страдания и безнадежности, которые раскрывают всю глубину горя этой маленькой, неграмотной женщины, вдовы театрального флейтиста.

«Разве я не мать тебе? Разве я не женщина? Не понимаю я нешто...»

Одна эта секунда, эта фраза, произнесенная полупотопом, рассказывает о такой трагедии маленького человека, раскрывает такую жестокую правду, перед которой стираются все мысли о мешанстве.

Такое толкование роли кажется нам единственно верным, исторически правильным и человеческим. Корчагина доказала это.

Екатерина Павловна скоро полвека на театре... Пятьдесят лет на сцене! И не смотря на это, какой молодой и обаятельный талант!

Ник. НИКИТИН

1020 Домна Пантелеевна

Екатерина Павловна Корчагина-Александровская в своих воспоминаниях часто говорит о В. Н. Давыдове. Умение Давыдова играть так, что целый оркестр звучал в его интонациях, его мягкость, убедительность его таланта, заставлявшая зрителя забыть о том, что это только театр, его способность так передать ощущение действительной жизни, как будто снята четвертая, воображаемая стена, — вот что всегда восхищало Екатерину Павловну в Давыдове. Думается, что игра Давыдова была ее поллиной актерской школой, ее «университетом».

За 20 лет советского театра Екатерина Павловна переиграла более чем в 60 постановках. Простота, правда жизни, живое чувство — вот чем всегда отличалась ее работа. Но в последней своей роли (Домна Пантелеевна в пьесе А. Н. Островского «Таланты и поклонники») она достигла такого мастерства, что ее исполнение хочется назвать классическим.

Домна Пантелеевна, — если взглянуть на этот персонаж упрощенно, если играть только «отношение к персонажу», — глупая старуха, мешанка, жадная до «бенефисов» мать юной актрисы, мечтающая пристроить хоть куда-нибудь свою дочь, сводня, соблазнившаяся «павлинами» и «лебедями» великатовских помещиков. Можно сделать этот образ отвратительным и ужасным. Можно испепелить эту старуху... Но была бы это Домна Пантелеевна Островского?.. Было бы в этом толковании полное понимание того, о чем думал Островский? Нет. Пьеса лишилась бы самого главного — той среды, в которой приходится действовать актрисе Негинной.

Как проводит Корчагина первый акт? Она в хлопотах по случаю «бенефиса», она покрикивает и суетится, вся напряже-

Народная артистка СССР Е. П. Корчагина-Александровская в роли Домны Пантелеевны

на, взбудоражена, как хозяйка, мечтающая расплатиться с долгами. Что вы разговор, невольно кажется: «а она думает о деньгах». Она умна, она понимает чувствительность Нарокова, но ей досадно, что он уж очень «чувствительный», «чужак». Жизнь есть жизнь. «Нежностью» горю не поможешь. Надо воевать. Надо биться. И Корчагина — Домна Пантелеевна бьется с самоотверженностью матери. Она изворачивается. Что делать, что делать? Нельзя же соориться перед самым «бене-

фисом» с «нужными людьми». А если они «волю» берут, то их «ограничить следует», но «честно, благородно, учтиво». У нее боевой, практический характер. Она бешено хитрит, вьется вьюном. Она — дипломат в юбке, домашний Талейран. Она храбро хочет справиться с миром князей Дулебовых, Бакитных и «ампренеров» Мишаевых. Ее попытки трогательны и наивны. Вы на ее стороне, вы симпатизируете ей. Да и невозможно иначе. Где она живет? Что ее окружает? «Коммерческий» театр, театр Гаврюшки, который честность давно считает предрассудком.

«Первые ряды», «солидные люди» — Бакины и князья Дулебовы, от них все зависит. Здесь еще живет «старина». Здесь еще присутствуют феодальные черты крепостного театра. Актриса еще наложница, «птенчик». Ее, правда, не порют. К ней ездят с визитами... И покупают ее! Или нагло, откровенно, как Смельскую, или «деликатно», по-великатовски, но все-таки покупают.

«Разве здесь понимают искусство? Разве здесь искусство нужно? Разве здесь... о, проклятие!» — кричит Нароков, светлый, трогательный человек.

Что же делать, как жить в этих жутких, ужасных обстоятельствах?

Но ведь это не только страница русского, полуфеодального театра. Это — страница жизни общества. Это — темные восьмидесятые, девяностые годы, когда «либеральные» люди ушли в «малые дела», отделились от общественной жизни, пытались реабилитировать действительность, мирились с царским правительством, когда только Лев Толстой парадоксально, но гневно требовал подлинного, народного ис-

кусства. Это — канун тех дней, когда появились Чехов и Горький.

Как же права Корчагина, что она не играла «сводню», не взяла все на себя...

Она — несчастная старуха, жертва, скованная всеми цепями той жизни, той мрачной эпохи, которую Нароков назвал «проклятием».

Когда «почтительный», «предупредительный» Великатов предпринимает мефистофельскую игру, когда на голову старухи обрушиваются и жалобы на холостую жизнь, и «домик» «в сорок комнат», «индейские петухи» и «павлины», когда подарок — «платочек» падает к ней на плечи, она подавлена, разбита. Вдруг неожиданно она начинает смеяться... Но страшен этот смех, если в него вслушаться. Это не беззаботный человеческий смех, в нем вы не услышите ни ясности, ни счастья. В нем чувствуется что-то тупое, порой бессмысленное. Это — смех опьянения соблазнами, она опоена и жалка...

На мгновение она будто опомнилась, увидела богатую шаль, протрезвела. — Батюшки, да за что же это?

Но, глядя в глаза Великатова, успокоилась. Поверила, что это просто так, от доброты... «Откуда этакие люди берутся?» В ней говорят ее чистота, ее простосердечие.

Тем печальнее, тем драматичнее получается финальная сцена третьего акта, после чтения писем...

«В самый-то вот раз... только что мы про свою нужду-то раздумывали... дьявол, а уж этой ласки-то в нем, что этой всякой добродетели...»

С каким содроганием, в какой тишине была произнесена эта фраза!.. Вдруг проснулась умная душа старухи, она разгадала «эту всякую добродетель» и «ласку». С каким подавленным, приглушенным, зажатым озлоблением она произносит эти

слова! «Дьявол». Покорил, и выхода нет, и деться некуда... С Петей уйти? Саша все равно не бросит сцену... Упустить случай? Отогнать славу? Домна Пантелеевна понимает, что этого Саша не может... Обе они не героини. Значит, остается «проклятие»?

Ольга Осиповна Садовская по свидетельству Ю. М. Юрьева («Театр» № 9, 1937 г.) играла мешанку, которой «не понять, что она унижает, марает, толкает свою дочь на низкое». Корчагина сыграла совсем иную Домну Пантелеевну.

Корчагина не «толкает». Корчагина все предоставляет своей дочери: как она решит... «Твое дело». Ни оттенка понукания, ни тени нажима. Одна искренность, одна растерянность.

Почтой, внезапный уход дочки на свидание к Пете старуха воспринимает, как прощание Сашки с юностью, с девическими мечтами. Негина говорит: «Может быть до утра... Но чтобы ни словом, ни взглядом...»

В эту минуту Корчагина стоит почти спиной к зрителю, мы слышим только ее измученный голос, мы слышим такие ноты страдания и безнадежности, которые раскрывают всю глубину горя этой маленькой, неграмотной женщины, вдовы театрального флейтиста.

«Разве я не мать тебе? Разве я не женщина? Не понимаю я нешто...»

Одна эта секунда, эта фраза, произнесенная полупопотом, рассказывает о такой трагедии маленького человека, раскрывает такую жестокую правду, перед которой стираются все мысли о мешанстве.

Такое толкование роли кажется нам единственно верным, исторически правильным и человеческим. Корчагина доказала это.

Екатерина Павловна скоро полвека на театре... Пятьдесят лет на сцене! И несмотря на это, какой молодой и обаятельный талант!

Ник. НИКИТИН